

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чэнь Ф. Гротеск и фантастика как метод трансформации реальных локусов в ранней лирике Случевского // Litera. 2024. № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.10.71888 EDN: EQRBIO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71888

Гротеск и фантастика как метод трансформации реальных локусов в ранней лирике Случевского

Чэнь Фанмин

доктор филологических наук

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 918

✉ 17854222348@163.com

[Статья из рубрики "Лирика и лирический герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.10.71888

EDN:

EQRBIO

Дата направления статьи в редакцию:

04-10-2024

Аннотация: Предметом исследования является анализ гротеска и фантастики как художественных методов, с помощью которых Константин Константинович Случевский трансформирует реальные локусы в своих ранних поэтических произведениях. Особое внимание уделяется исследованию того, как Случевский использует гротескные образы и фантастические элементы для создания уникального поэтического пространства, которое сочетает в себе элементы реальности и воображаемого мира. В рамках исследования анализируются ключевые мотивы, такие как жизнь и смерть, вечность и мгновение, а также их переплетение в пространственных и временных структурах стихотворений. Исследование направлено на выявление того, как через гротеск и фантастику поэт выражает свои экзистенциальные размышления, создавая сложные, многомерные образы и трансформируя обыденные пространства в философские категории. В работе применяется комплексный подход, включающий элементы структурного и семиотического анализа литературного текста. Методологической основой исследования служат работы по теории гротеска и фантастики, а также исследования в

области поэтики пространства. Новизна исследования заключается в том, что впервые проводится детальный анализ использования гротеска и фантастики как ключевых художественных методов в поэтическом творчестве Константина Константиновича Случевского. В отличие от предыдущих исследований, где внимание уделялось общим темам его поэзии, данное исследование сосредотачивается на конкретных средствах трансформации реальных локусов, через которые поэт создает философски насыщенное и многослойное поэтическое пространство. Автор демонстрирует, что гротеск и фантастика у Случевского не просто стилистические приемы, а полноценные инструменты переосмыслиния таких фундаментальных категорий, как жизнь и смерть, бытие и небытие, вечность и мимолетность. Это исследование углубляет понимание того, как Случевский через художественные средства формирует особую поэтическую реальность, где границы между реальным и фантастическим размываются, что позволяет читателю погружаться в экзистенциальные размышления о природе человеческого существования. Подобный подход открывает новые горизонты для изучения его творчества и подчеркивает значимость этих методов для понимания глубинных философских аспектов лирики поэта.

Ключевые слова:

Случевский, Гротеск, Фантастика, Локусы, Лирика, Реальность, Пространство, Смерть, Жизнь, Символизм

Прежде всего стоит определиться с терминами «гротеск», «фантастика» и «локус». В Литературной энциклопедии терминов и понятий термин «гротеск» определяется, как «вид условной фантастической образности, демонстративно нарушающий принципы правдоподобия, в котором причудливо и алогично сочетаются несочетаемые в реальности образные планы и художественные детали» [1, 188].

Более условной и менее связанной с действительностью можно считать фантастику, «в которой авторский вымысел от изображения странно-необычных, неправдоподобных явлений простирается до создания особого — вымышленного, нереального, “чудесного мира”. Фантастика обладает своим фантастическим типом образности со свойственными ему высокой степенью условности, откровенным нарушением реальных логических связей и закономерностей, естественных пропорций и форм изображаемого объекта». При этом «в основе всякого фантастического произведения лежит оппозиция фантастического — реального» [2, 1119]. Таким образом, понятия «гротеск» и «фантастика», то есть оба способа художественного формообразования, подразумевают взаимодействие либо оппозицию воображаемого мира реальному, в частности реально существующему пространству, или реальным «локусам».

В литературе исследованию локусов — значимых образов условного пространства, которые могут быть как реальными, отражающими объективно существующие пространственные реалии, так и ирреальными, созданными воображением автора, положил начало Ю. М. Лотман [3]. Термин «локус» (от лат. *locus* — место), первоначально возникший в свое время в генетике, стал эффективным элементом анализа художественных текстов благодаря работам Ю. М. Лотмана, определявшего локус как элемент мифологического пространства, которое представляет собой совокупность изолированных объектов с собственными именами [4, 63]. Использование системы локусов предполагает применение структуралистского подхода и использование

методов, предложенных Ю. М. Лотманом, хотя в последние десятилетия к понятию «локус» обращались многие исследователи, в частности, С. Ю. Неклюдов [\[5\]](#), В. П. Океанский [\[6\]](#), В. Ю. Прокофьева [\[7\]](#), И. А. Тарасова [\[8\]](#), О. Е. Фролова [\[9\]](#), Д. А. Щукина [\[10\]](#) и др., которые внесли свой вклад в развитие и изучение этого понятия.

При этом пространственные образы и локусы в художественном мире К. К. Случевского представляются еще недостаточно изученными, хотя в последние годы его творчество пользуется особым вниманием исследователей. В частности, трансформация реальных локусов через применение гротеска и фантастики в ранней лирике Случевского остается пока на периферии изучения его творчества.

Начало литературного дебюта Константина Константиновича Случевского (1837–1904) ознаменовала первая публикация его стихотворений в иллюстрированном журнале «Общезанимательный вестник» в 1857 году. В № 3, 9 и 11 были опубликованы стихотворения Случевского, а также его переводы произведений Дж. Г. Байрона, В. Гюго и О. Барбье [\[11, 13\]](#). В том же году за подпись «К. С.» в журнале «Мода» вышли стихотворения «Ночь» и «Риму». Так же было подписано и стихотворение Случевского «На смерть Беранже», опубликованное в № 11 «Общезанимательного вестника» (1857) [\[12, 14\]](#).

Окончание раннего периода творчества Случевского принято относить уже к 1860 году. Это было связано прежде всего с тем, что в 1860 году были опубликованы более десяти стихотворений Случевского в некрасовском «Современнике» (№ 1–3), которые привлекли к себе пристальное внимание критики. Помимо положительных и даже восторженных отзывов, в том числе таких авторитетных авторов, как И. С. Тургенев и Ап. Григорьев, появились и отзывы недоброжелательные, даже остро сатирические. В популярном в то время журнале «Искра» из номера в номер стали публиковаться необычайно злые пародии, причем не только на стихи молодого поэта, но даже на него самого. Критика столь жестко ударила по Случевскому, что он перестал публиковаться, впрочем, журналы также не проявляли заинтересованность публиковать его стихи. Случевский вышел в отставку, уехал за границу, желая получить широкое европейское образование, и надолго замолчал. Так события 1860 года обозначили переломный момент в жизни и карьере Случевского и озnamеновали конец раннего периода его творчества.

Этот период характеризуется у Случевского следованием традиции позднего романтизма [\[13, 10\]](#). Особенно заметно в его раннем творчестве влияние немецких романтиков, в частности Генриха Гейне, что подтверждается в том числе его переводами из Гейне, а также оригинальной лирикой («Статуя», «Весталка»). Известный и очень авторитетный в то время критик Д. И. Писарев писал о Гейне: «Гейне — поэт капризного, раздражительного, нетерпеливого и непоследовательного века. Он сам — весь состоит из противоречий и сам себя дразнит этими противоречиями, и даже не пробует помирить их между собою, и сам то плачет, то смеется над своими ощущениями, то вдруг кидается в борьбу жизни и, с полной силой юношеской горячности и мужественного убеждения, объясняет людям различие между остатками прошедшего и живыми проблесками будущего» [\[14, 100\]](#). И. Ф. Анненский в своей статье «Генрих Гейне и мы» отмечал:

В стихотворении «Из Гейне», впервые опубликованном в «Иллюстрации» (1859), Случевский, следуя традиции немецкого романтика, творчество которого, по замечанию И. Ф. Анненского, вдохновляло тогда многих русских писателей и поэтов, демонстрирует собственный сатирический талант и использует гротеск и фантастику для трансформации

реальных локусов. Он рисует фантастическую картину, когда на кладбище вышагивают к своим могилам еще живые мертвецы. При описании поэт искусно сочетает трагическое и комическое, смешное и ужасное: «Знаю я, кому придется / В этот год спуститься в землю, / Кто из смертных, из живущих, / Кувырнется, захлебнется. / Кто-то лысый — полосатый, / В красных брюках, в пестрых перьях, / Важно шел петушьим шагом, / Тонконогий и пузатый. / Кто-то длинный, очень длинный, / В черном фраке, в черной шляпе, / Шел, размашисто шагая, / Многозвездный, многочинный <...> Шли замаранные люди, / Кто в белилах, кто в чернилах, / Шли забрызганные грязью, / Кто по шею, кто по груди. / Шли — и в землю опускались...» [\[14, 461\]](#).

Эти образы сочетают в себе реальные детали (одежда, звания) и фантастические, гротескные черты (необычная внешность, странная походка). Случевский иронически перечисляет представителей разных профессий и социальных групп: «Шли какие-то мундиры, / Камергеры, гоф-фурьеры, / Экс-жандармы, виц-министры, / Пехотинцы, кирасиры» [\[14, 461\]](#). Это создает эффект карнавального шествия, в котором смешиваются реальное и фантастическое. Сатирический эффект достигается за счет контраста между высокими званиями и должностями персонажей и их гротескными, карикатурными образами. Поэт высмеивает пустоту и бессмысленность их существования, предсказывая им скорую гибель: «Знаю я, кому придется / В этот год спуститься в землю, / Кто из смертных, из живущих, / Кувырнется, захлебнется» [\[14, 461\]](#).

Всех этих людей, сильных мира сего, Случевский называет «замаранными», «забрызганными грязью». И хотя это перевод «из Гейне», приемы, которые использует поэт, являются типичными и для его оригинальной лирики, где трагическое часто сочетается с иронией и сарказмом. В качестве примера можно привести стихотворение «Я видел свое погребенье...», написанное под явным влиянием Гейне: «Я видел свое погребенье. / Высокие свечи горели, / Кадил непроспавшийся дьякон, / И хриплые певчие [\[14, 458\]](#).

В этом произведении Случевский добивается сильного визуального и эмоционального эффекта, создавая сюрреалистическое, ироничное и мрачное описание собственных похорон, что позволяет ему исследовать темы смерти, человеческой природы и общественных порядков с необычной перспективы. Лежащий в гробу лирический герой фиксирует происходящее вокруг него. «Непроспавшийся» дьякон, «хриплые певчие», «высокие свечи» создают мрачную и трагическую атмосферу. Случевский вводит элементы гротеска и сатиры: помимо «непроспавшегося» дьякона и «хриплых» певчих, мы видим отнюдь не убитую горем жену, которая «в интересном безумье» целует сморщенный лоб покойника и тут же шепчется о чем-то с кузеном; внешне печальные родственники радостно предвкушают получение наследства, взоры озабоченных кредиторов «и мутны и страшны»; стоя в раздумье, лакеи переживают из-за потери места, а повар, готовивший поминки, объелся, как, впрочем и все, кто в них участвовал [\[14, 458-459\]](#). Реальность здесь искажена до абсурда, как и образы персонажей и их действия; с помощью этого приема поэт подчеркивает людское лицемерие и непостоянство человеческих отношений. Фантастика проявляется в способности лирического героя наблюдать за собственным погребением. Созданная Случевским альтернативная реальность позволяет ему не только выразить критическое отношение к обществу и несовершенству человеческой натуры, но исследовать более глубокие философские и моральные темы.

Уже и в ранний период в поэзии Случевского проступали элементы реализма, что особенно заметно в поэме «В снегах», начатой в это время. Поэма, как по месту

действия, так и по характеру описываемых событий, заметно отличается от романтических произведений того времени. В ней чувствуется тяготение к описанию быта, насыщению действия реалистическими деталями, к «разговорности» и простоте диалога, стремление типизировать речь.

Первый период литературной деятельности Случевского носит на себе следы влияния и других поэтов, над переводами произведений которых он работал. Как уже говорилось, Случевский начал свой путь в литературе с переводов Беранже и Огюста Барбье. Беранже и Барбье были признаны голосом современности, а их поэзия в конце 1850-х — начале 1860-х годов ассоциировалась с борьбой за революционно-демократическое направление в литературе. Интересно, что уже в этих ранних переводах проявилось драматическое ощущение жизни Случевского: он выбирал те стихи, для которых характерно обостренное восприятие зла и несправедливости, что отразилось, например, в стихотворении Барбье *«Il pianto»* («Плач»): «Да! грустно на земле лишь зло встречать, / Настраивать свой стих на стон и вопль кручины, / На ясных небесах бег тучи подмечать, / В лице смеющимся отыскивать морщины» [14, 518]. Его выбор не был случайным и отвечал глубокой потребности души. Кстати говоря, творчество Барбье, посвященное теме революции, пользовалось большим успехом в России, а над переводами его произведений работали многие известные русские поэты-переводчики. Беранже был известен сатирическими стихами и резкой критикой аристократии. Как мы видели выше, Случевский тоже был не чужд сатирическому восприятию социальной жизни.

В лирике, создававшейся в период путешествия за границу в 1857–1858 годах, также заметно присутствие элементов гротеска и фантастики, с помощью которых поэт трансформировал реальные локусы. В стихотворении *«Monte Pincio»* Случевский начинает описывать реальный локус, но постепенно, с помощью метафор, создает фантастическую картину, в которой одушевляются упоминаемые реальные локусы: «мутноводный» Тибр «лижет берега», храм Петра «смотрит гордо, придавивши Рим», «дряхлый Форум» вместе с термами Нерона и Капитолием «ожидают будущих веков», — и тут же из фантастической картины вновь превращается в реальную, когда появляется «с корзиной, в пестром балахоне, / Красной шапкой свесившись к земле», итальянец на осле [14, 221]. С помощью подобных описаний Случевский трансформирует реальные локусы, придавая им новое, более глубокое измерение. Так реальность преобразуется через призму его личного восприятия, отражая сложность и противоречивость мира.

Такой подход к поэзии отражает стремление исследовать все формы человеческого бытия, используя гротеск и фантастику как методы трансформации реальных локусов. В качестве примера можно привести стихотворение «В мороз», где создается атмосфера холодной зимней ночи. Лирический герой наблюдает с улицы за тем, что происходит в помещении. Это создает ощущение отдаленности и отчуждения. Гротеск проявляется в контрасте между теплом и светом внутри помещения и холодом и темнотой на улице. Фантастика же находит свое выражение в ирреальных и мистических элементах, таких как тени, скачущие на стекле. Лирический герой не просто смотрит с улицы в окно: он замерз и голоден («Был и я когда-то сыт»; [14, 461].), то есть явно не относится к кругу самого Случевского.

В стихотворении «Вечер на Лемане» мы видим уникальное сочетание реальных пейзажных элементов и фантастических, почти мистических образов. Красный столбик огня на лодке рыбака, одинокие окрашенные облака, большой паук, висящий на паутине, создают живописную картину, одновременно наполненную реалистичностью и

чувством таинственности. Гротеск и фантастика в этом стихотворении проявляются не только в описании природы, но и в образах звуков ночи. Звук, несущийся издалека и предвещающий появление звезд, создает ощущение чего-то мистического, неведомого. Гармония звуков растет, создавая мощный и волнующий эффект. Фантастический образ ночи с синими увлажненными очами, ступающей «по крыльям призраков», усиливает мистическую атмосферу стихотворения, оканчивающегося образом звезды, «стыдливо» прступавшей «в складках длинного ночного покрывала» [\[14, 218\]](#).

В стихотворении «Ходит ветер избочась» также используются гротеск и фантастика в качестве метода трансформации реальных локусов: «Ходит ветер избочась / Вдоль Невы широкой, / Снегом стелет калачи / Бабы кривобокой» (464). Случевский создает живописный и динамичный образ зимнего пейзажа, благодаря своему уникальному поэтическому восприятию, искажая реальность, придавая ей некий комический и одновременно мрачный характер. Простое явление природы — ветер, дующий вдоль Невы, — превращается в причудливое живое, почти антропоморфное существо, управляющее всем вокруг. Образ ветра, одушевленного и полного эмоций, создает странное гротескное ощущение, подчеркивая контраст между природой и человеческим миром. Ветер стелет снегом калачи кривобокой бабы, сует ухабы под дровни мужика, безотвязно дует в старые бока кляче, воет жалким воем за крепостным валом. Это описание придает стихотворению мистический и сказочный оттенок, трансформируя обыденные зимние сцены в нечто волшебное и нереальное. В бое соборных часов слышатся голоса предков, «сказки муромских лесов» и «песни дедов наших», благодаря чему возникает ощущение временной и пространственной глубины, соединяющей настоящее с прошлым, реальность с фольклором.

Аполлон Александрович Григорьев, высоко оценивший ранние произведения Случевского, особое внимание обратил на стихотворения «Весталка», «Статуя» и «Людские вздохи». В письме критику Н.Н. Страхову Григорьев выражает восхищение этими произведениями, утверждая, что в них присутствует «все»: «настоящая страсть, умение рисовать намеками и широкими чертами <...> и простота приема, простирающегося до дерзости» [\[16, 278\]](#).

В стихотворении «Весталка» Случевский трансформирует реальные локусы, то есть реальные места, в нечто символическое и фантастическое. Стихотворение начинается с описания пустого храма, где красный свет обливает колонны, освещая весталку Гермиону. Описываемая сцена сочетает в себе элементы реального (храм, колонны, пламя) и мистического (мистическое свечение, пустота пространства). Гротеск проявляется в контрасте между священным пространством храма и полународной фигурой весталки, что создает ощущение нереальности и странности сцены. Весталка изображена как статуя, с бесстрастным, неподвижным лицом и закрытыми глазами, что усиливает впечатление отрешенности и загадочности. Образы в стихотворении отражают сложные эмоции весталки, ее мечты и страхи, конфликт между ее священными обязанностями и человеческими желаниями. В конце стихотворения призыв: «Веста! Веста! Пощади же / Сон весталки Гермионы!..» [\[14, 164\]](#). звучит как мольба о спасении от тяжелой участии жрицы богини очага Весты, обязанной, сохраняя целомудрие на протяжении 30 лет, посвящать свою жизнь соблюдению религиозных ритуалов и поддержанию священного огня в храме.

В стихотворении «Статуя» поэт рисует волшебный мир, где переплетаются реальность и фантазия, живое и неживое. У тихого солнного озера стоит статуя молодого гладиатора, который, будучи раненным в бою, словно пытается омыть свою рану холодной ключевой

водой. С наступлением ночи окружающее пространство фантастически меняется: из вод выходит русалка, которая, прижимаясь к статуе, молит его о любви и поцелуе. Гротеск в стихотворении проявляется в контрасте между статичной и безжизненной статуей гладиатора и живой, эмоционально насыщенной, но фантастической фигурой русалки [15, 162]. Это порождает ощущение странного несоответствия между реальным миром и миром нереальным. Ночные звезды и двурогая луна становятся свидетелями этой таинственной сцены, подчеркивая магическую атмосферу происходящего. В конце стихотворения образ русалки, печальной и бледной, уходящей в солнечные волны и глубоко вздыхающей, усиливает ощущение неутолимой печали. Таким образом, «Статуя» Случевского является примером его способности использовать гротеск и фантастику для создания поэтического мира, где реальность преображается и обогащается фантастическими и символическими элементами.

В «Людских вздохах» Случевский описывает странный мир, в котором по ночам людские вздохи обретают ощущимые мистические формы. Ночь, наполненная таинственными и причудливыми тенями, усиливает атмосферу гротеска и фантастики. Реальный мир преображается, приобретая новые, фантастические измерения. Превратившиеся в легкие, воздушные существа вздохи, рожденные из света и тьмы, облетая мир в полуночный час, собирают лунные лучи: с душистых цветов, с лиц спящих и умерших, из которых плетут золотые венцы и умирают на рассвете, «с венцами на лицах, с мольбой на устах», что придает стихотворению трагически-лирическую интонацию.

Стихотворения «На кладбище» и «Ходит ветер избочась» в 1860-е годы вызвали у критиков наибольшие претензии из-за непонимания их поэтической стилистики. Так, В.С. Курочкин саркастически замечал, что обычным читателям может показаться странным предпочтение Случевского отдыхать на кладбище и что образ ветра, стелющегося снегом калачи кривобокой бабы, может восприниматься как бессмыслица [12, 59]. Это мнение отражает сугубо реалистический взгляд на поэзию, при котором читатель не готов к новаторским методам, в том числе использованию гротеска и фантастики.

На самом деле стихотворение «На кладбище» — выдающийся пример использования гротеска и фантастики для трансформации реальных локусов. В этом произведении Случевский создает такую атмосферу, при которой реальное место — кладбище — превращается в мир мистических и гротескных явлений. Гротеск проявляется в описании натуралистичных, но в то же время необычных и странных сцен. Лирический герой лежит на гробовой плите, наблюдая за тучами, ласточками, жуками, зеленым кленом, сосной, причем в его воображении все они в равной степени ожидают. Оптимистические картины природы, плясовый ритм стиха контрастируют с мрачной и таинственной атмосферой кладбища, создавая чувство нереальности и сюрреализма. Фантастика проявляется в образе мертвца, который обращается к лирическому герою с просьбой сменить его в могиле и выпустить на волю. Диалог между живым и мертвым усиливает ощущение мистичности происходящего, когда стираются границы между жизнью и смертью, реальностью и вымыслом. Стихотворение завершается возвращением к изображению природы, но теперь все эти элементы окрашены мрачным светом после диалога с мертвцем. Последние строки, где упоминаются светляки, добавляют стихотворению элементы света и надежды, но в то же время усиливают ощущение загадочности и тайны.

Из вышеизложенного можно сделать ряд выводов о свойствах пространства и предпочитаемых локусах в ранней лирике Случевского. В его раннем творчестве 1850-х годов доминировало влияние романтизма, в особенности немецких романтиков, таких

как Гейне, что проявлялось в выборе экзотических локусов, а также в трансформации реальных мест посредством гротеска и фантастики. Тем не менее уже в этот период в поэзии Случевского начинают пропасть элементы реализма, особенно заметные в некоторых его произведениях, где автор стремится к детальному описанию быта, что свидетельствует о намечающейся тенденции к конкретизации локусов в пространственной организации произведений. На формирование ранней поэтики Случевского значительное влияние оказало его воспитание и образование, полученное в Первом кадетском корпусе, где преподаватели русской словесности, такие как Н. Я. Прокопович, В. Т. Плаксин, Г. Е. Благосветлов, И. И. Введенский, привили будущему поэту интерес к европейской литературе и творчеству М. Ю. Лермонтова. Ранняя лирика Случевского развивалась в контексте общественно-культурной атмосферы предреформенной России конца 1850-х годов, а посещение литературных кружков и салонов, общение с известными литераторами того времени (Л. А. Мей, Н. В. Гербель, Н. Ф. Щербина, Я. П. Полонский) способствовало расширению круга тем и мотивов в его поэзии. Первые поэтические опыты Случевского связаны с его переводами произведений Беранже и Огюста Барбье, выбор стихов которых с острым ощущением несправедливости мира и страстным стремлением к справедливости свидетельствует о драматическом мироощущении молодого поэта и его интересе к социальной тематике. Таким образом, в ранней лирике Случевский отдавал предпочтение романтическим, экзотическим и историческим локусам, подвергшимся трансформации с помощью гротеска и фантастики, однако уже в этот период намечается тенденция к реалистическому изображению пространства и конкретизации деталей, а поэтическое пространство раннего Случевского формировалось под влиянием романтизма, реализма, а также личного опыта и окружения поэта.

Однако наиболее ярко эти тенденции проявляются в более поздних произведениях Случевского, таких как цикл «Баллады, фантазии и сказы», который был написан в 60-е годы XIX века и не относится к раннему периоду творчества поэта. В этом цикле мы можем наблюдать дальнейшее развитие романтических и фольклорных мотивов. Баллады, фантазии и сказы как жанры тяготеют к условности, фантастике и народной поэтике, что позволяет поэту создавать яркие, необычные образы и сюжеты, отходя от реалистического изображения действительности. При этом Случевский не отказывается полностью от реалистических элементов, но стремится к синтезу различных художественных методов, что придает его произведениям неповторимое своеобразие.

Библиография

1. Шапошникова О. В. Гротеск // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стлб. 188.
2. Муравьев В. С. Фантастика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. 799 с. Стлб. 1119.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
4. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 63.
5. Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 214 с.
6. Океанский В.П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. Иваново, 2010. 356 с.
7. Прокофьева В.Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы / Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–94.
8. Тарасова И.А. Структура семантического поля в поэтическом идиостиле. На материале поэзии И. Анненского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1994. 17 с.

9. Фролова О.Е. Организация пространства русского повествовательного художественного текста первой половины XIX века. М., 2000. 304 с.
10. Щукина Д.А. Пространство как лингвокогнитивная категория. На материале произведений М.А. Булгакова разных жанров. Автореф. дис. ... док. филол. наук. СПб., 2004. 35 с.
11. Тахо-Годи Е. А. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. 400 с.
12. Мазур Т. П. К. К. Случевский. Основные этапы творческой биографии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974. С. 10.
13. Писарев Д. И. Генрих Гейне / Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т. Т. III. Статьи 1865–1868. Л., 1981. С. 100.
14. Случевский К.К. Стихотворения и поэмы. СПб., 2004. С. 173. 16. Григорьев А.А. Одиссея последнего романтика / Сост., вступ. статья и прим. А.Л. Осповата. М.: Московский рабочий, 1988. С. 278.
15. Григорьев А.А. Одиссея последнего романтика / Сост., вступ. статья и прим. А.Л. Осповата. М.: Московский рабочий, 1988. С. 278.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена исследованию гротеска и фантастики как метода трансформации реальных локусов в ранней лирике Случевского. Предмет исследования достаточно актуален в силу того, что в последние годы творчество К. К. Случевского пользуется особым вниманием исследователей, однако «пространственные образы и локусы в его художественном мире представляются еще недостаточно изученными. В частности, трансформация реальных локусов через применение гротеска и фантастики в ранней лирике Случевского остается пока на периферии изучения его творчества». В данном исследовании автор(ы) придерживаются определения терминов «гротеск» и «фантастика» из Литературной энциклопедии терминов и понятий, анализ которых позволил установить, что «понятия «гротеск» и «фантастика», то есть оба способа художественного формообразования, подразумевают взаимодействие либо оппозицию воображаемого мира реальному, в частности реально существующему пространству, или реальным «локусам».

Теоретической основой работы обоснованно выступили труды таких отечественных исследователей, как Ю. М. Лотман, С. Ю. Неклюдов, В. Ю. Прокофьева, И. А. Тарасова, Д. А. Щукина, Т. П. Мазур. и др. Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее традиционный характер. Методы используются с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы: описательный и сравнительный методы, контент-анализ материала и метод системного анализа. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) сделать ряд выводов о свойствах пространства и предпочитаемых локусах в раннем творчестве поэта: «в ранней лирике Случевский отдавал предпочтение романтическим, экзотическим и историческим локусам, подвергавшимся трансформации с помощью гротеска и фантастики, однако уже в этот период намечается тенденция к реалистическому изображению пространства и конкретизации деталей, а поэтическое пространство раннего Случевского формировалось под влиянием романтизма, реализма, а также личного опыта и окружения поэта», «при этом Случевский не отказывается полностью от реалистических элементов, но стремится к синтезу различных художественных методов,

что придает его произведениям неповторимое своеобразие».

Библиография статьи включает 15 русскоязычных источников, посвященных исследованию пространства как лингвокогнитивной категории, поэтике пространства, а также непосредственно творчеству К. К. Случевского. Однако автор(ы) практически не апеллируют к научным работам последних лет (не изучено ни одного источника, изданного в последние 3 года). Конечно, данное замечание не умаляет значимости проделанной работы, однако в этом случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением пространственных образов и локусов («значимых образов условного пространства, которые могут быть как реальными, отражающими объективно существующие пространственные реалии, так и ирреальными, созданными воображением автора») в лирике К. К. Случевского.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».